ДАНИИЛ КЫЧИН

ДЕВЯТЫЙ ХВОСТ

ЧУЖИЕ ОТВЕТЫ

КНИГА ВТОРАЯ

16+

Даниил Кычин

Девятый хвост 2 Чужие ответы

«Автор»
2026

Кычин Д. В.

Девятый хвост 2 Чужие ответы / Д. В. Кычин — «Автор», 2026

Кира выжила на Инари, получила имя в ведомости Нового Предела и пощадила сестру, которая пришла её убить. Теперь в её голове звучат не приказы, а отдельные голоса — и три из них зовут на помощь.На Ржавых верфях сестру держат в силовой раме, чтобы город не сидел без света. В Цитадели Ордена другую заперли за дверью, которая открывается только снаружи, — и стерегут её люди, которых Кира когда-то звала своими. В Садах третья сестра уже много лет разговаривает с погибшими гостями, потому что не выдерживает тишины.Каждый, кто встречает Киру, предлагает ей готовый ответ: учёный — пользу, торговка — условия, Орден — определение, а голос, который ведёт её с первой минуты, — заботу. Чтобы спасти сестёр и не стать ничьим инструментом, Кире придётся научиться спрашивать: кто подписал этот ответ?Вторая книга серии «Девятый хвост» — по вселенной игр Inari Games.

© Кычин Д. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рынок деталей 5
Глава 2. Свет за стеклом 11
Глава 3. Ручной перенос 17
Глава 4. Где выход 24
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Даниил Кычин
Девятый хвост 2 Чужие ответы

Глава 1. Рынок деталей

Следы Сэны кончались у воды.

Воды, правда, давно не было. Русло под мостом высохло так давно, что ил на дне потрескался крупными плитками, а между плитками росла та же колючая трава, что и на перевале. Сэна прошла здесь вечером, ровным шагом, не петляя. Отпечатки узких сапог тянулись вниз по течению и через сотню шагов сворачивали в боковой овраг, к камням.

Кира постояла над последним отпечатком. Хвост тоже постоял. Потом без спроса повернулся в другую сторону — туда, где русло расширялось и уходило к серой полосе на горизонте.

— Да знаю я, — сказала Кира. — Не к ней. Сегодня не к ней.

— С кем ты разговариваешь? — спросила Вера.

— С хвостом. Он у меня решительный.

Вера не стала уточнять. Она шла чуть позади и левее, как ходила всегда, ещё с Бастиона, — так, чтобы видеть Кирину спину и то, что за ней. Винтовку несла не на плече, а в руках, стволом в землю. Тёмную ткань с плеча она сняла ещё на мосту и свернула в подсумок. Нашивок на куртке не осталось — Вера отпорола их ночью, в тихом отсеке, маленьким ножом, и ни разу не объяснила зачем.

Кира не спрашивала. Она догадывалась сама: на верфях хозяйничал не Орден. Но кто знает, кому там понравится нашивка Союза.

Утро было белым и влажным. Чем ниже уходило русло, тем сильнее пахло солью. Не морем — Кира не помнила моря, на Кассии его не было, — а чем-то, что от моря осталось: белой коркой на камнях, ржавыми кольцами, вбитыми в берег на высоте человеческого роста. Когда-то здесь швартовались. Когда-то вода стояла выше её головы.

И с каждым шагом громче становилось дыхание.

Ночью в отсеке оно было рваным краем сна, тем самым «снится плохое», от которого она просыпалась. Утром на мосту — далёким. Сейчас, при свете, оно уже не походило на сон. Кто-то дышал. Вдох через зубы, короткий, будто его отбирали. Пауза. Выдох — длинный, с

дрожью на конце, как у человека, который долго держал тяжёлое и боится опустить. Потом снова вдох. И снова отбирали.

Кира поймала себя на том, что дышит в том же ритме, и сбилась нарочно.

— Ты бледная, — сказала Вера.

— Я всегда бледная. У меня мех белый, на его фоне все бледные.

— Кира.

— Она дышит, — сказала Кира. — Та, у воды. Я её слышу. Не ушами. Как Тоу в сосуде, только Тоу стучит спокойно, а эта… — Она подбирала слово. — Эта как будто всё время просит, чтобы перестали.

Вера кивнула. Не удивилась. С того дня у мачты она вообще удивлялась удивительно мало.

— Далеко?

— Уже нет.

* * *

Под курткой у Киры, во внутреннем кармане, лежала сложенная вчетверо бумага. Рядом с лоскутом Тоу, защёлкой и пластиной панциря. Она проверяла её на ходу уже раза три, сама того не замечая.

Бумагу ей дала Лада. Вчера вечером, когда Кира вернулась с моста и сказала, что пойдёт на верфи.

Лада ничего не ответила. Сняла очки со шнурка, протёрла, надела обратно, взяла чистый лист и графит. Писала долго, аккуратными узкими буквами, и Кира через стол читала вверх ногами своё имя. Через «и». С первого раза.

— Велсарат нанимает людей на разборку, — сказала тогда Лада, не поднимая головы. — По бумаге. У кого бумаги нет, того тоже берут, только потом из учёта не выпускают. Это выписка из ведомости. Вы здесь живёте. Вас здесь ждут. — Она поставила внизу подпись и прижала поверх маленький оттиск, вырезанный, кажется, из старой подошвы. — Больше это ничего не значит. Но и меньше тоже.

Вторую такую же она написала Вере. Просто «Вера». Без прозвища. Вера посмотрела на бумагу так, будто ей вручили медаль, и сразу убрала.

— Документ твоего поселения не имеет силы за его пределами, — сказала тогда Мико. Тихо, только Кире. — Он может привлечь внимание.

— Посмотрим, — сказала Кира вслух, и Лада подняла на неё глаза поверх очков.

— Это я не вам, — сказала Кира.

— Я поняла, — сказала Лада. — Вы иногда разговариваете не со мной. Записывать не буду.

Сейчас, в соляном утре, Кира снова тронула карман. Бумага шуршала. На Кассии у неё был жетон разведчицы с номером и группой крови, и в нём не было имени — только «Лиса» в графе позывного, потому что так было короче. Здесь у неё была только бумага от женщины, которая три дня назад трижды переспросила, как пишется «Кира».

Странно, подумала она. Лист с тремя словами, а держит лучше брони.

* * *

Русло вышло к берегу, которого больше не было.

Земля просто кончилась уступом, и под уступом открылось то, что когда-то было гаванью. Вода ушла далеко, к самому горизонту, и оставила после себя чёрное дно, изрезанное каналами. На дне, как выброшенные звери, лежали корабли.

Баржи. Длинные, чёрные, с серо-фиолетовыми огнями на мачтах. Одни стояли ровно на подпорках, другие завалились на бок, третьи были разрезаны пополам, и в разрезе виднелись палубы, как этажи в разрушенном доме. Над всем этим поднимались краны. Не три, как в Новом Пределе, — Кира сбилась на двенадцатом. Ржавые, рыжие, с длинными стрелами. Некоторые двигались.

На крышах низких корпусов у берега лежали плоские серые пластины — ряды и ряды, одна к одной. Их она видела ещё с седловины, в первый день: «слева плоские пластины». Радиаторы. Над ними дрожал тёплый воздух.

Через ближайший канал вместо моста лежала перевёрнутая баржа — днищем вверх, с прорезанными в днище ступенями. По ней шли люди. Много. С тележками, с мешками, с длинными трубами на плечах.

А в глубине, за кранами, по самому дну тянулась прямая фиолетовая линия. Ровная, светящаяся даже днём. Она уходила к большому корпусу с тёмными окнами, и вокруг этого корпуса воздух дрожал сильнее всего.

— Свет, — сказала Кира.

Вера проследила за её взглядом.

Свет здесь был везде. На мачтах, над воротами, в окнах корпусов, вдоль переходов. Ровный, немигающий. Огни горели днём, просто потому что могли. Кира вспомнила башню Нового Предела, один заряд, за который спорили, кому его отдать — клинике или оружейной. Вспомнила, как Ная считала часы резерва в тетради.

Здесь никто ничего не считал.

— Техника у них работает лучше, чем в городе, — сказала Вера.

— Угу. — Кира не отрывала взгляда от фиолетовой линии. Дыхание шло оттуда. Из корпуса с тёмными окнами. — Интересно, кто за это платит.

Над одним из корпусов вспыхнул красный огонь. Кира дёрнулась — тело помнило, что красный на стене значит тревогу. Но рядом с огнём висела белая табличка с нарисованной снежинкой, и никто внизу даже не поднял головы.

— Охлаждение, — сказала Вера. — Смотри на знак, а не на цвет.

— Смотрю, — буркнула Кира. — Просто у меня цвет быстрее доходит.

На палубе ближайшей баржи стояли двое. Тёмные куртки, карабины с плоскими магазинами сбоку. Один стукнул прикладом в палубу — два раза, коротко. Второй сразу сменил место, перешёл за надстройку. Не на них, просто так. Привычка.

— Два удара — смена укрытия, — сказала Вера негромко. — Запомни. Меняются по сигналу. Пока меняются, не стреляют.

— Ты их знаешь?

— Я знаю, как стоят люди, которых хорошо учили. — Вера помолчала. — Эти хорошо.

* * *

Рынок деталей начинался прямо в корпусах.

Ближайшую баржу кто-то вскрыл по борту, как консервную банку, и внутри, на трёх палубах, открылся город. Прилавки из листов обшивки. Ящики с болтами, рассортированными по размеру. Мотки кабеля, связки труб, фильтры, клапаны, линзы в промасленной ткани. Кто-

то продавал сапоги без пары. Кто-то — горячую похлёбку из бака, и Кира почувствовала этот запах раньше, чем увидела бак, и хвост сразу повернулся туда, предатель.

Здесь были все. Люди в рабочих комбинезонах. Люди в городской штопаной одежде, как в Новом Пределе. Люди в одинаковых тёмных куртках с плоскими металлическими знаками на рукаве — эти ходили по двое и не покупали ничего. Пахло солью, маслом, горелой изоляцией и хлебом.

На Киру смотрели. Не так, как в городе, — там смотрели на хвост с любопытством, потом с привычкой. Здесь смотрели оценивающе. Как на деталь, которую можно продать.

Кира подняла подбородок и пошла ровнее.

В глубине нижней палубы, под натянутым брезентом, стоял стол. Над столом висела табличка: «Наём. Разборка, погрузка, обслуживание». За столом сидел мужчина в тёмной куртке, с плоским знаком на рукаве и с толстой книгой учёта. Перед столом — очередь. Человек двадцать.

Кира встала в конец. Вера встала за ней.

— Ты всегда встаёшь в очередь, — сказала Вера.

— Я выросла в Бастионе. У нас без очереди только паёк отбирают.

Очередь шла медленно. Человек за столом спрашивал, записывал, ставил отметку, выдавал маленькую жестяную бирку на шнурке. Иногда не выдавал. Одного парня, без бумаги, он отправил в сторону, к двум курткам у стены, и те увели его куда-то вглубь, без грубости, просто взяв под локоть. Парень не сопротивлялся. Кира проводила его взглядом.

«Того тоже берут, только потом из учёта не выпускают».

Потом подошла её очередь.

— Имя, — сказал человек за столом, не поднимая головы. — Откуда. Бумага.

Кира положила на стол Ладину выписку.

Он развернул. Прочёл. Перевернул, посмотрел на оттиск подошвы. И впервые поднял глаза. Посмотрел на её уши, на хвост, на броню с треугольником на груди. Снова на бумагу.

— Новый Предел, — сказал он.

— Новый Предел.

— Подпись Сев. — Он постучал ногтем по оттиску. — Счётчица, у которой колокольчики на клинике.

Кира не знала, что на это ответить, и сказала честно:

— Она три раза переспросила, как пишется моё имя.

Человек хмыкнул. Почти улыбнулся.

— Похоже на неё. Сев не пишет лишнего. Если она пишет, что вы живёте в Пределе, значит, живёте. — Он открыл книгу, нашёл чистую строку. — Имя.

— Кира.

— Через «и»?

— Через «и».

Он записал. Потом взял из ящика жестяную бирку, положил на маленькую наковальню у локтя, приставил штамп и ударил молотком. Раз, другой, третий, четвёртый. Подул на бирку и протянул ей.

На жести, неровными выбитыми буквами, стояло: КИРА.

Она держала бирку на ладони и не сразу смогла её сжать.

Первый раз её имя было написано на капсуле. Чужой рукой, до того, как она пришла. «Девятая. Адрес подтверждён» — и никто её не спросил. Второй раз — в Ладиной ведомости, со слов, через «и», с третьей попытки. А сейчас её имя, которое она сама сказала, лежало у неё на ладони, выбитое в жести, и по нему её пустят туда, куда без него не пускают.

Не номер. Не «Девятая». Не «Лиса».

Имя открывало дверь.

— Что-то не так? — спросил человек за столом.

— Нет, — сказала Кира. Надела бирку на шею, спрятала под ворот. Жесть была холодной и сразу согрелась. — Всё так.

— Хвост, — сказал он. — В рабочую смену хвост под комбинезон или под расписку. Если его прищемит лебёдкой, верфь не отвечает.

— Он под расписку, — сказала Кира. — Под комбинезон он не влезет. И обидится.

Человек посмотрел на неё долгим взглядом и молча поставил в книге галочку.

Вере он выбил бирку так же, ни о чём не спросив. Только на Верины руки посмотрел дольше, чем на Кирины уши. На мозоль от спускового крючка.

— Куда нас? — спросила Кира.

Он сверился с листом, приколотым к брезенту.

— Погрузка и обслуживание. Лаборатория, силовой отдел. — Он кивнул вглубь, туда, где за кранами тянулась фиолетовая линия. — Там всегда нужны руки. Люди там долго не задерживаются.

— Почему?

Он уже смотрел на следующего в очереди.

— Плохо спят, — сказал он.

* * *

Ворота во внутреннюю часть верфи были открыты. Возле них стояли две тёмные куртки. Кира показала бирку. Куртка глянула на жесть, на хвост, снова на жесть и отступила.

Вот так просто, подумала Кира. Имя на шее — и шагай.

За воротами было тише. Рынок гудел за спиной, а здесь гудело другое — ровно, низко, сразу во всём теле. Провода шли над головой толстыми пучками. Под ногами, в желобе вдоль дорожки, светилась фиолетовая линия, и чем ближе к большому корпусу, тем сильнее от неё тянуло теплом.

Мимо шли рабочие со сменой. Двое тащили на плечах длинную катушку и говорили между собой, не стесняясь.

— …у выключателей опять ночью просила.

— Да ну. Это вентиляция.

— Вентиляция не говорит «пожалуйста».

— Ты меньше слушай. Тебе платят не за то, чтобы слушать.

Они прошли мимо. Кира остановилась.

Дыхание было теперь совсем близко. Уже не на краю. Не далёкая точка, как с башни Нового Предела, когда приёмник Наи слушал землю. Оно было здесь, за стеной большого корпуса, в двухстах шагах, может, меньше. Вдох через зубы. Пауза. Выдох с дрожью. И в паузе, там, где у Тоу был спокойный стук, а у Сэны — натянутый трос, здесь было что-то, похожее на слово. Одно и то же. Повторённое столько раз, что стёрлось до звука.

Хвост прижался к ноге. Уши легли назад, сами, и Кира не стала их поднимать.

— Отклик Четвёртой, — сказал голос. Ровно, вежливо, совсем близко. — Ты рядом с ней.

— Её зовут… — начала Кира и замолчала.

Она не знала, как её зовут.

У Тоу было имя на двери. У Сэны — своё, сказанное на мосту. А эта дышала за стеной, и Кира знала про неё только номер. Четвёртая. Как на капсуле. Как будто других слов для неё не нашлось ни у кого.

— Узнаю, — сказала Кира. — Как её зовут, узнаю сама.

Голос не ответил.

Вера стояла рядом и смотрела не на корпус, а на Киру — на прижатые уши, на хвост.

— Это она? — спросила Вера.

— Это она.

Вера кивнула и перехватила винтовку чуть удобнее. Ничего не сказала. Перед важным.

И в эту секунду погас свет.

Не весь. На полвдоха. Огни над воротами, лампы вдоль дорожки, фиолетовая линия под ногами — всё мигнуло разом, как моргает человек, которому в глаз попала соринка. За спиной, на рынке, кто-то выругался. Сразу же вспыхнуло снова, ровно, как будто ничего и не было.

Но за этот полвдоха Кира услышала его. Стёртое слово в паузе. Не ушами. Под рёбрами, там, где сидел кристалл, — коротко, отчётливо, тем голосом, которым просят в последний раз, потому что уже не надеются.

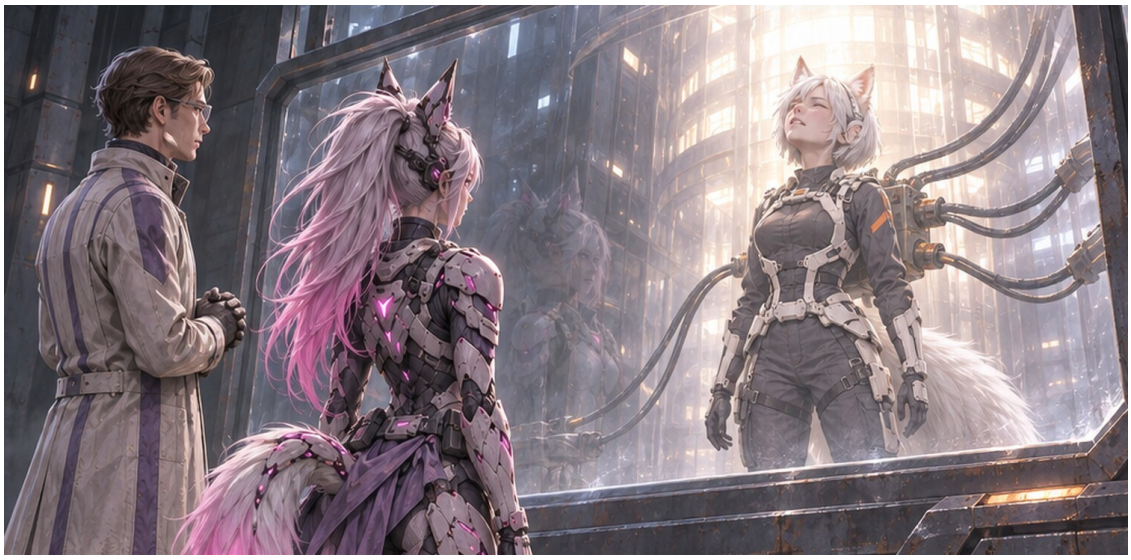
Выключите.

Свет горел. Рабочие шли мимо со своей катушкой. Двое в тёмных куртках у ворот даже не обернулись.

Кира достала из-под ворота жестяную бирку, посмотрела на своё имя и снова спрятала.

— Пошли, — сказала она. — У них там руки нужны.

Глава 2. Свет за стеклом



Лаборатория начиналась со столовой.

Кира не ожидала этого. Она ждала стальной двери, охраны, запаха химии — чего-нибудь, что сразу скажет: здесь плохо. А за дверью силового отдела оказался длинный тёплый зал с низким потолком, столами из обшивки и лампами. Много ламп. Они висели над каждым столом, жёлтые, мягкие, и под ними люди в светлых комбинезонах ели суп.

Пахло крупой и луком. Хлебом. Чем-то сладким из бака в углу.

Хвост качнулся к баку раньше, чем Кира успела ему запретить.

Тёплые пайки на третьей раздаче. Решётка вентиляции над кухней, сквозь которую видно, как раздатчица отворачивается к котлу. Шесть секунд — схватить и уйти по шахте, пока не обернулась. Кира в восемь лет считала эти секунды точнее, чем потом считала патроны.

— Новенькие? — Женщина за раздачей кивнула на их бирки. — Ешьте сначала. Силовой отдел на пустой желудок не работает. Проверено.

Им дали по миске. Суп был горячим и настоящим. Кира ела стоя, у стены, и смотрела на лампы.

Они не мигали. Ни одна.

— Хорошо кормят, — сказала Вера негромко.

— Угу. — Кира подняла глаза к потолку. Над лампами шли провода, толстым пучком, и уходили в стену. В ту сторону, откуда шло дыхание. — Очень хорошо.

Вдох через зубы. Пауза. Выдох с дрожью.

Здесь, в тёплом зале, где люди ели суп, оно было громче, чем у ворот.

* * *

Человек, который пришёл за новыми руками, был в светлом костюме с фиолетовыми полосами на рукавах. Тонкий, гладко выбритый, светлые волосы расчёсаны на прямой пробор так ровно, будто пробор проводили по линейке. Плоские защитные очки он поднял на лоб. Тёмные перчатки.

Ботинки у него были чистые.

Кира заметила это первым делом. На верфях всё было в соли и масле — пол, стены, сапоги рабочих, её собственные. А у него ботинки блестели. Будто он ходил не по этому полу, а чуть над ним.

— Ивар Несс, — сказал он. — Руководитель лаборатории. Мне сказали, прислали двоих из Предела.

Он посмотрел на Веру — коротко, вежливо, как смотрят на инструмент, который подойдёт. Потом на Киру. И задержался.

Взгляд прошёл по ушам. По хвосту. По треугольнику на нагрудной пластине. Не грубо. Внимательно. Так Грета смотрела на незнакомый механизм, прежде чем открыть крышку.

— Интересно, — сказал Несс. — Очень интересно. Вы давно в Пределе?

— Недавно.

— А до того?

— Издалека.

Он улыбнулся. Ему понравился ответ, Кира видела. Не потому, что он был вежливым, а потому, что он сам по себе был данными.

— Пойдёмте, — сказал Несс. — Я покажу, с чем вы будете работать. Люди должны понимать, зачем они таскают кабели. Иначе таскают плохо.

* * *

Генераторный зал был высоким и чистым.

Восемь машин стояли в два ряда, серые, гладкие, с округлыми боками. Каждая гудела, и гудение складывалось в один ровный звук, низкий, как у тросов на мосту, только без ветра. От машин шли кабели — вверх, к потолку, и дальше в стены, во все стороны. На каждом кабеле висела бирка.

Кира читала бирки на ходу. «Рынок, нижняя палуба». «Насосная 2». «Сухой док, лебёдки». «Причал». «Столовая персонала». «Насосная 3». «Жилые корпуса, восточный ряд».

— Это зал питания всей нижней верфи, — говорил Несс. Говорил с удовольствием, как говорят о том, что сделали своими руками. — Насосы держат воду в каналах, без них док зальёт за сутки. Лебёдки — разборка, без них нет деталей, нет торговли. Жилые корпуса — тепло, свет, вентиляция. Рынок. Столовая. — Он провёл рукой вдоль ряда кабелей. — Здесь живут и работают сотни людей. Город, который даёт вам бумаги, держится на одном заряде в день. Мы — на этом.

— Сколько людей? — спросила Кира.

Несс посмотрел на неё с одобрением.

— Хороший вопрос. Правильный. Сотни постоянно и столько же приходящих. Зимой больше — приходят греться. — Он помолчал. — Я не говорю, что это всё оправдывает. Я говорю, что это надо учитывать.

Кира не ответила. Она смотрела, куда уходит самый толстый кабель. Он шёл не в стену, а вниз, в пол, к той фиолетовой линии, что светилась в желобе от самых ворот.

Машины гудели. А под их гудением, ниже, у самой границы слуха, шло дыхание.

— Генераторы, — сказала Кира, — что-то кормит.

Несс кивнул. Опустил очки на глаза.

— Да, — сказал он. — Идёмте.

* * *

Коридор за генераторным залом был короче, чем ей хотелось. Две двери, лестница вниз, ещё одна дверь, тяжёлая. За ней — узкая комната с пультом и стеклом во всю стену.

За стеклом была женщина.

Кира остановилась так резко, что Вера, шедшая сзади, чуть не налетела на неё.

Женщина висела в раме. Не стояла — висела, хотя ноги касались пола. Белые рёбра силовой рамы обнимали её плечи, запястья, пояс, держали так, что она не могла ни сесть, ни упасть. Серый закрытый комбинезон. Коротко срезанные белые волосы, неровно, будто стригли наспех и не ей. Матовые пластины на ушах. Кабели — много кабелей — подходили к раме снаружи, к внешней броне, и от рамы уходили вниз, в пол.

Хвост был спрятан. Его вставили в разъёмный канал, длинный, сегментированный, и канал уходил в стену за её спиной, как корень.

Глаза были открыты. Янтарные, с лиловым на дне. Смотрели прямо перед собой, в стекло, ни на кого.

Губы двигались.

Пульт перед стеклом был живым. На нём горели цифры, бежали линии. Несс подошёл, тронул что-то, и в комнату пошёл звук из-за стекла. Тихий. Сухой. Голос, который давно говорил одно и то же.

— Выключите свет. Выключите свет. Выключите свет.

Без крика. Без слёз. Как читают вслух список.

Кира почувствовала, как хвост за спиной медленно, сам, обвивается вокруг её лодыжки. Она не делала этого с детства — до капсулы со своим именем.

— Это четвёртый модуль, — сказал Несс. — Мы нашли её в разбитой камере на дне старого дока. Древняя технология. Она преобразует… — он сделал жест рукой, подбирая простое слово, — что-то в себе в ток. Чистый, стабильный, больше, чем все наши машины вместе. Генераторы — это, по сути, распределители. Источник — она.

— Она, — повторила Кира.

— Модуль. — Несс поправил себя без смущения. — Я говорю «она» по привычке. Персонал говорит. Это нормально, к этому привыкаешь.

За стеклом:

— Выключите свет.

Кира подошла к пульту. На краю лежал планшет с журналом. Несс не стал его прятать. Наоборот — подвинул ближе, приглашая.

Строчки. Даты. Цифры нагрузки. И в столбце «Состояние», через каждые несколько строк, одно и то же: «Повышенная раздражительность». «Повышенная раздражительность». «Повышенная раздражительность, повтор вербального шаблона».

Кира перечитала три раза. Слова не стали другими.

— Что она просит? — спросила она. Голос вышел тихим.

— Выключить свет, — сказал Несс. — Вы слышите.

— Я спрашиваю, что это значит.

Несс задумался. Честно задумался, и это было хуже всего.

— Я долго считал, что это бессмысленный повтор. Сбой речевого контура после пробуждения, — сказал он. — Потом подумал, что, возможно, ей мешает освещение в камере. Убрал лампы. Не помогло. — Он помолчал. — Она просила выключить свет. Я записал это как раздражительность. Это самое точное слово, которое у меня было.

Самое точное. Кира смотрела на него и не могла понять, издевается он или нет. Он не издевался. Он действительно так думал.

На пульте дрогнула линия. Сбой — короткий, на долю секунды. Цифры прыгнули, лампа под потолком мигнула.

За стеклом женщина выгнулась в раме. Не закричала. Только вдох — через зубы, резкий, отобранный, — и рёбра рамы сжались на её запястьях. Кира услышала этот вдох дважды. Ушами — из динамика. И под рёбрами, там, где кристалл, — ближе, больнее.

Несс тронул пульт. Линия выровнялась.

Кира увидела, как у него дрожит ладонь. Левая, в тёмной перчатке. Мелко, часто, — несколько секунд, пока линия не стала ровной. Потом он убрал руку за спину.

— Вы видите, — сказал он мягко. — Я не чудовище. Когда мы её нашли, сбои шли каждые несколько минут. Теперь — несколько раз в сутки. Я перестроил подачу, сгладил пики, поставил демпферы. — Он посмотрел на Киру. — Я уменьшил боль на сорок процентов. Это ведь имеет значение?

Кира хотела ответить. Слов было много. Все — плохие.

Вера взяла её за локоть. Не сжала. Просто положила руку. Тепло через рукав.

— Имеет, — сказала Кира. — Для тех, кто считает проценты.

Несс склонил голову. Принял. Записал куда-то внутри себя.

* * *

— Можно вопрос? — сказал он, когда они шли обратно по коридору. Вера шла впереди, Несс — рядом с Кирой. Близко. — Я спрошу прямо, потому что не люблю ходить вокруг.

— Спрашивайте.

— Ваш… — он кивнул на треугольник у неё на груди, — ваш отклик. Когда вы вошли в комнату, у модуля изменился ритм. Не сбой. Наоборот — первый раз за неделю нагрузка выровнялась сама. Я видел на пульте. — Он говорил спокойно, увлечённо, как о хорошей находке. — Вы ведь тоже оттуда. Не отвечайте, если не хотите, я не Орден, мне неважно, как это называется.

Кира молчала.

— Я хотел бы снять ваши параметры, — продолжил Несс. — Добровольно. Пара часов. Никаких рам, никаких кабелей к телу, только датчики на поверхность брони. Если ваш отклик совпадает с её, я смогу сгладить её сбои ещё сильнее. Может быть, вдвое. — Он улыбнулся. — Это ведь в её интересах. И в ваших — я хорошо плачу за добровольную калибровку.

Добровольную.

Кира вспомнила опору в зале капсул. Тёплую, живую, ровно под её плечи. Как она раскрылась навстречу, когда никто ничего не спросил.

Она остановилась посреди коридора. Посмотрела Нессу в глаза — сквозь плоские очки.

— Нет, — сказала она.

Несс подождал. Видимо, ждал продолжения: условий, торга, «я подумаю».

Продолжения не было.

— Нет, — повторила Кира. — Не добровольно. Не за деньги. Не на поверхность брони. Не на пару часов. Нет.

Несс снял очки. Протёр их краем перчатки. Снова надел.

— Как скажете, — сказал он. Без обиды. Почти с уважением. — Я запишу.

— Запишите, — сказала Кира. — Только не как раздражительность.

Он улыбнулся одними губами и ушёл вперёд по коридору. Ботинки на мокром полу так и остались чистыми.

* * *

Их поставили на погрузку — таскать катушки из склада к генераторному залу. Работа была тяжёлой и простой, и Кира была ей рада. Руки заняты, голова свободна.

Слишком свободна.

К вечерней смене Вера ушла сдавать на склад пустые катушки, и Кира осталась одна в проходе между генераторами. Машины гудели. На кабеле у её плеча висела бирка «Столовая персонала». Она тронула бирку пальцем.

Там сейчас ели суп. Под жёлтыми лампами, которые не мигали.

— Питание этой установки важнее для здешних поселений, чем одна доля, — сказал голос.

Кира не вздрогнула. Она ждала.

— Разрушение генератора лишит людей воды и тепла. Многие из них ни в чём не виноваты. — Пауза. Ровная, отмеренная. — Действуй аккуратно. Не разрушай установку. Ты готова сделать это правильно.

Кира медленно подняла голову.

Ты готова.

Раньше было по-другому. В святилище, у капсул, на перевале, в городе: «Я помогу тебе», «Я проведу», «Позволь помочь». Мико всегда предлагала. Вежливо, ровно, чуть настойчиво, но — предлагала.

А сейчас не предложила. Сказала. Как говорят тому, кого уже подготовили.

— Готова к чему? — спросила Кира.

— К тому, чтобы решить правильно.

Ответ рядом с вопросом. Как всегда.

— Правильно — это как? — Кира смотрела на бирку. — Оставить её там, потому что суп горячий?

— Я не предлагаю оставить её. Я предлагаю не разрушать то, что кормит людей.

— А что предлагаешь?

Пауза. Чуть длиннее обычной.

— Ты узнаешь, когда будешь рядом с ней.

Кира подождала. Голос больше ничего не сказал.

Она пошла не на склад. Она пошла по коридору, вниз по лестнице, к тяжёлой двери. Бирка на шее грелась о кожу. Дверь была не заперта — силовой отдел, свои ходят. В комнате с пультом никого не было. Только цифры бежали по экрану, и за стеклом, в раме, висела Четвёртая.

— Выключите свет, — говорила она. — Выключите свет.

Кира подошла к стеклу вплотную. Положила ладонь на холодную гладь. Хвост прижался к ноге.

— Я слышу, — сказала она. Тихо, хотя знала, что динамик в эту сторону выключен. — Я тебя слышу. Не ушами.

Женщина за стеклом замолчала.

Это было так неожиданно, что Кира чуть не отдёрнула руку. Губы перестали двигаться. Янтарно-лиловые глаза, которые весь день смотрели прямо перед собой, в никуда, медленно сдвинулись. На стекло. На Кирину ладонь. На лицо.

Под рёбрами Киры рваное дыхание сбилось — и на один вдох стало почти ровным.

Женщина смотрела. Долго. Потом губы шевельнулись снова. Не то слово. Другое. Кира не услышала его ушами — динамик молчал. Но прочла.

Ты — не они.

— Нет, — сказала Кира. — Не они.

На пульте за её спиной что-то тихо пискнуло. Нагрузка выровнялась. Первый раз за неделю, сказал Несс. Он видел это на экране и захотел снять с неё параметры.

Кира убрала ладонь со стекла. На холодной глади остался туманный след пальцев и быстро растаял.

Когда она вернулась на склад, Вера сидела на пустой катушке и чистила винтовку. Подняла глаза. Посмотрела на Кирино лицо и отложила ветошь.

— Что делаем? — спросила Вера.

Кира села рядом. Помолчала.

— Свет не ломаем, — сказала она. — Там люди суп едят. И её там не оставляем.

— Обе вещи сразу?

— Обе.

Вера кивнула, будто речь шла о смене на левой башне.

— Тогда надо понять, как у них тут всё устроено, — сказала она. — Утром. Сначала понять. Потом — что делать.

— Ты стала говорить, как Ерем.

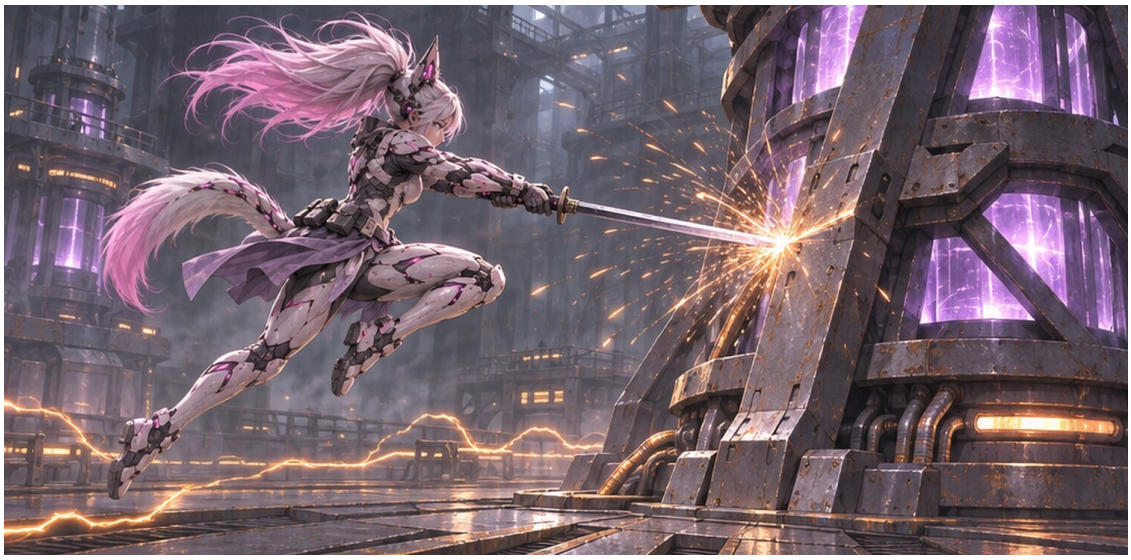
— Ерем говорил: сначала посчитай тех, кто вышел.

— Вот и я о том же, — сказала Кира. — Пока из неё никто не вышел.

Над их головами, в проводах, шёл ток. Ровный, стабильный, чистый. Его было больше, чем все машины верфи могли дать вместе.

А под рёбрами у Киры кто-то дышал — и впервые за весь день между вдохами было не «выключите». Было ожидание.

Глава 3. Ручной перенос



Грета говорила: если не понимаешь, что делает машина, посмотри, что она делала до тебя.

Кира вспомнила это утром, когда стояла в генераторном зале с катушкой на плече и смотрела на восьмую машину. На серых округлых боках, под слоем пыли, проступала старая надпись: «Привод. Ручной пуск». Рядом торчал рычаг. Тоже в пыли. Пыль лежала на нём ровно, нетронутая, как в зале капсул до её первого шага.

Она поставила катушку. Огляделась. Рабочие таскали кабели в другой конец зала, никто не смотрел. Кира провела пальцем по рычагу. На пальце осталась серая полоса.

— Ты чего? — Вера подошла с другой стороны машины.

— Они не всегда были распределителями, — сказала Кира. — Это машины. Настоящие. У каждой свой привод. Их просто… поставили на холостой ход. Когда нашли её.

Вера посмотрела на рычаг. На соседнюю машину — там такой же, в такой же пыли. И на следующую.

— Зачем крутить свои, если можно взять даром, — сказала она.

— Вот именно. — Кира вытерла палец о штанину. — Даром.

* * *

Постов было два.

Первый — здесь, в генераторном зале, щит у дальней стены: восемь рядов переключателей, по одному на каждую машину, и над каждым рядом — бирки кабелей. Второй — внизу, у камеры, рядом с пультом Несса: щит подачи от рамы. Узкий, тёмный, с одним толстым рубильником посередине и рядом мелких ручек по краям.

Каждый показывал половину.

Это выяснилось к полудню. Кира стояла у нижнего щита, делая вид, что меряет кабель, и смотрела. Вера стояла у верхнего и делала то же самое. Потом они встретились на складе, сели за катушками, и Вера достала из подсумка обрывок обёрточной бумаги и огрызок графита.

Вера рисовала хорошо. Ровными линиями, как рисуют схемы огневых точек. Восемь кружков — машины. Пучки линий — к насосным, к доку, к рынку. И одна толстая линия снизу, ко всем восьми сразу.

— Вот она, — сказала Вера и постучала графитом по толстой линии. — Всё идёт через неё. Если её дёрнуть — всё гаснет. Насосы встают. Док…

— Заливает за сутки, — сказала Кира. — Несс говорил.

— Несс много говорил.

Кира смотрела на рисунок. Потом закрыла глаза.

Память легла поверх темноты тонкой сеткой — та, что досталась от Тоу. Нитки. Где вещи держат и где уступают. Она видела их на дверях, на опорах, на стыках обшивки. Вчера, у щитов, она смотрела на переключатели и видела нитки и там: натянутые, гудящие, от каждой машины вниз, к толстой линии. И у каждой машины — ещё одна. Тонкая, провисшая, пыльная, как рычаг. Своя.

Она открыла глаза.

— Их можно вернуть по одной, — сказала она. — Каждую машину. Запустить свой привод, дождаться, пока раскрутится, перекинуть её кабели со своей линии на её собственный ход. Потом следующую. И когда все восемь будут крутиться сами… — Она провела пальцем по толстой линии на рисунке. — Тут ничего не останется. Ни одного кабеля. Её можно будет отключить, и никто даже свет не заметит.

Вера долго смотрела на бумагу.

— Восемь раз, — сказала она. — Каждый раз — раскрутить, дождаться, перекинуть. И каждый раз кто-то должен держать нижний щит, чтобы её линия не дёрнулась, когда нагрузка уходит.

— Один наверху, один внизу.

— Часа два. Если не мешают.

— Мешать будут, — сказала Кира.

— Мешать будут, — согласилась Вера. — Можно проще. Рубильник внизу, один удар. Свет погаснет, док зальёт, но её мы вытащим за пять минут.

Кира покачала головой.

— Там люди суп едят, — сказала она. — И насосы. И жилые корпуса, восточный ряд. Это не их вина, что им проще было не спрашивать.

— А её — чья вина, что они не спросили?

— Ничья. — Кира сложила бумагу вчетверо и спрятала в карман, к Ладиной выписке. — Поэтому я хочу, чтобы она вышла и чтобы свет остался. Вот и всё.

Голос в голове молчал. Весь день. Кира отметила это и не стала думать почему.

* * *

Начали в вечернюю смену, когда людей в зале было меньше всего.

Старый приёмник на Верином предплечье шипел и хрипел, но на двести шагов держал. Кира стояла у нижнего щита, в полутёмном коридоре, рядом с дверью в комнату с пультом. Через приоткрытую дверь было видно стекло. За стеклом — рама.

— Выключите свет, — говорила Четвёртая. — Выключите свет.

— Первая, — сказал приёмник голосом Веры. — Рычаг пошёл. Тяжело.

Кира слышала, как наверху, далеко, через перекрытия, взвыло железо. Пыльный привод проворачивался в первый раз за неизвестно сколько. Вой поднялся, сорвался, поднялся снова — и выровнялся в гул.

— Крутится, — сказала Вера. — Жду.

Кира положила руку на крайнюю ручку нижнего щита. Нитка от первой машины гудела под пальцами. Не ушами. Ладонью, как будто ручка была живой.

— Перекидываю, — сказала Вера.

Наверху щёлкнуло. Нитка под Кириной ладонью дрогнула, натянулась, рванулась — нагрузка уходила с толстой линии, вся сразу, и линия дёрнулась вслед, как дёргается канат, когда его отпускает один из тянущих. Кира повернула ручку. Плавно, на четверть. Линия выровнялась.

Лампа в коридоре мигнула. Одна. И загорелась снова.

За стеклом Четвёртая сбилась посреди слова.

— Первая на своём, — сказала Вера. — Столовая горит. Я вижу через дверь.

— Вторая, — сказала Кира.

Вторая пошла легче. Третья заела — Вере пришлось бить по рычагу прикладом, и Кира слышала через приёмник, как она ругается сквозь зубы, коротко и очень по-бастионски. Четвёртая. На четвёртой в коридор заглянул рабочий с катушкой, посмотрел на Киру у щита, на её руку на ручке, на хвост. Кира посмотрела на него.

— Регламент, — сказала она. — Проверка подачи.

Рабочий подумал, кивнул и ушёл. Кира выдохнула.

С каждой машиной дыхание под рёбрами менялось. Вдох — уже не через зубы. Пауза — короче. Выдох — почти без дрожи. И за стеклом Четвёртая говорила тише, реже, с паузами, будто вспоминала, что между словами можно молчать.

— Пятая крутится, — сказал приёмник. — Кира. Кто-то идёт по лестнице к тебе. Чистые ботинки.

* * *

Несс вошёл в комнату с пультом быстро, не глядя по сторонам. Склонился к экрану. Кира видела его спину через приоткрытую дверь — светлый костюм, фиолетовые полосы. Он тронул что-то. Ещё. Замер.

Потом обернулся. Прямо к двери. Прямо к ней.

— Это вы, — сказал он. Не вопрос.

Кира отпустила ручку щита и вошла в комнату. Встала между ним и стеклом. Хвост за спиной поднялся и замер.

— Я, — сказала она.

— Нагрузка модуля упала на шестьдесят процентов за сорок минут. — Несс говорил ровно, но голос был выше, чем вчера. — Вы запускаете старые приводы. Вы понимаете, что делаете? Эти приводы никто не запускал с тех пор, как её подключили. Если хоть один встанет под нагрузкой…

— Не встанет. Пять уже крутятся. Свет горит.

— Сегодня горит. — Он шагнул к пульту, и Кира шагнула вместе с ним, не давая подойти к щиту. — Вы выключите установку. Хорошо. Допустим. А кто объяснит людям, почему у них снова нет энергии? Когда приводы встанут через неделю? Вы? Вас здесь уже не будет.

— Я не выключаю, — сказала Кира. — Я переношу. Это разные вещи. Вам должно понравиться — это точное слово.

Несс смотрел на неё. Потом за неё — на стекло. На раму. На Четвёртую, которая молчала уже несколько минут и смотрела на них двоих.

— Она — источник, — сказал он тихо. — Без нагрузки она… я не знаю, что она сделает. Никто не знает. Я обязан…

— Вы обязаны были спросить, — сказала Кира. — Ещё тогда. Когда она первый раз попросила.

Несс помолчал. Левая ладонь в тёмной перчатке начала дрожать — мелко, часто, хотя никакого сбоя на экране не было.

Он протянул правую руку к краю пульта и нажал.

* * *

Стекло ушло вверх.

Всё разом: с гулом, со скрежетом, вся стена, — и комната с пультом перестала быть комнатой. За стеклом открылся зал. Не камера, как казалось вчера, а длинное испытательное помещение с высоким потолком и решётчатым полом, под которым светилась фиолетовым испытательная линия. Посередине, на круглой площадке, стояла рама с Четвёртой. А вокруг рамы, треугольником, — три колонны. Высокие, в рост двух человек, обвитые кольцами, на массивных опорах.

Конденсаторы, поняла Кира. Внешние.

С потолка, на тросах, спустились двое. Светлые комбинезоны, толстые перчатки до локтя, в руках — короткие метатели с катушками. Сзади, из бокового прохода, вышел третий.

— Защитный цикл, — сказал Несс. Он уже стоял за пультом, за его тяжёлым краем, пригнувшись. — Мне жаль. Мне действительно жаль. Ловцы не причинят вам вреда. Они просто подержат вас, пока я не верну нагрузку.

На ближней колонне засветилось нижнее кольцо. Потом второе. Третье. Медленно, кольцо за кольцом, снизу вверх, наливаясь фиолетовым светом.

Четвёртая в раме выгнулась. Рёбра рамы сжались на запястьях. Она закричала — первый раз, не словами, — и под решётчатым полом прошла волна.

Кира увидела её за долю секунды. Пол вздыбился кольцом от рамы, светящимся, гудящим, как рябь на воде, только из тока. Она прыгнула. Не вверх — сквозь. Шаг. Шов не требует пола. Мир на мгновение стал тонким и прозрачным, волна прошла под ней, и Кира оказалась на три метра дальше, на краю площадки.

Ловцы упали на решётку там, где она только что стояла. Один дёрнулся, перчатки затрещали искрами — прошло сквозь изоляцию. Второй устоял.

— Источник импульсов — Четвёртая, — сказал голос в голове. Ровно, быстро. — Останови источник.

— Источник — колонны, — сказала Кира вслух.

Голос не ответил.

Кольца на ближней колонне снова поползли вверх. Первое. Второе. Кира видела теперь, как это устроено: колонна набирает заряд, кольцо за кольцом, на верхнем — сбрасывает в раму, и рама выбрасывает его через тело Четвёртой в пол. Четвёртая не стреляла. Ею стреляли.

Третье кольцо.

Кира побежала к колонне. Не к раме — мимо неё. Мимо Четвёртой, которая висела в рёбрах и смотрела на неё, и в янтарно-лиловых глазах было то самое, что под рёбрами было вместо «выключите». Ожидание.

Ловец бросил петлю. Кира почувствовала её затылком, хвост дёрнулся вбок, — петля захлестнула броню на хвосте, затянулась, рванула назад. Кира упала на колено. Петля гудела, по ней шёл ток, и от тока немели сегменты хвоста.

Решётка. Металлическая. Под ней — испытательная линия, и решётка лежит на рамах, и рамы уходят в бетон.

Кира ударила хвостом вниз. Со всей силы, вместе с петлёй, в решётку пола.

Петля вспыхнула белым, затрещала — и лопнула. Заземлилась. Ловца на том конце отбросило на спину.

— Петля обрывается на землю, — пробормотала Кира, поднимаясь. — Спасибо, учту.

Четвёртое кольцо. Пятое.

Она добежала. Колонна стояла на четырёх опорах — толстых, литых, с креплениями к полу. Над опорами шла управляющая муфта, к ней тянулись кабели от пульта. Кира видела нитки: колонна держалась на всех четырёх ровно, но управление шло через одну. Через левую заднюю. Там нитка была натянута до звона.

Коготь лёг в руку.

Кира ударила.

Опора хрустнула, муфта сорвалась с крепления, кабели полетели в стороны, плюясь искрами. Кольца на колонне погасли разом, все пять, как задутые свечи. Колонна накренилась, но устояла.

Волны не было.

Четвёртая в раме обмякла. Голова упала на грудь, белые неровные волосы закрыли лицо. Потом она подняла голову. Медленно. Посмотрела на Киру.

— Кнопка есть, — сказала она.

Голос был хриплым, сорванным. Первые слова, кроме тех двух, которые Кира от неё слышала.

— Что?

— Кнопка есть. — Четвёртая перевела взгляд за Кирино плечо. На пульт, за которым пригнулся Несс. — Мне до неё не дотянуться.

Кира проследила её взгляд. На краю пульта, отдельно от всех остальных, под прозрачной крышкой — один выключатель. Красный.

Рядом с ним стояла маленькая табличка. Кира не могла её прочесть с такого расстояния. Ей и не надо было.

— Дотянусь, — сказала Кира. — Только сначала свет.

* * *

Вторая колонна начала заряжаться раньше, чем Кира отбежала от первой.

— Шестая крутится, — сказал приёмник голосом Веры. Голос был сбитым — Вера дышала тяжело, где-то наверху, и между её словами Кира услышала короткий хлопок выстрела. — У меня двое. Ловцы. Я не стреляю им в спину, не волнуйся. Только в катушки.

— Я не волнуюсь.

— Врёшь.

— Вру.

Кольца ползли вверх. Кира бежала через зал, и под ногами снова прошла волна — слабее, чем первая, на двух колоннах вместо трёх, — и она снова прошла её Шагом. Третий ловец заходил сбоку, пригибаясь, с петлёй наготове. Кира выстрелила из Шёпота — не в него, в катушку на его поясе. Катушка разлетелась. Ловец остался стоять, с пустым метателем в руках, и Кира пробежала мимо.

Вторая колонна. Нитки. Здесь управление шло через переднюю опору — Кира видела, как натянута муфта. Она занесла Коготь.

И остановилась.

— Вера! — крикнула она в приёмник. — Сколько?

— Седьмая крутится. Перекидываю. — Пауза. Треск, хлопок. — Перекинула.

— А восьмая?

— Восьмая заела. Бью.

Кира стояла у колонны с поднятым клинком. Кольца ползли вверх. Третье. Четвёртое.

Если она сломает и вторую, и третью сейчас — рама перестанет держать заряд. Толстая линия просядет. А на толстой линии ещё висит восьмая машина — насосная 3 и жилые корпуса, восточный ряд. Насосы встанут. Свет погаснет у тех, кто ни в чём не виноват.

Если не сломает — колонна сбросит заряд через Четвёртую. Через тело. Ещё раз.

Пятое кольцо.

Кира ударила. Опора хрустнула, муфта сорвалась, кольца погасли. Вторая колонна ушла в темноту.

Свет в зале мигнул. Лампы под потолком потускнели — и выправились. Две колонны держали меньше, но держали.

Четвёртая в раме смотрела на неё.

— Ты считаешь, — сказала она хрипло.

— Считаю, — сказала Кира. — Машины.

— Я тоже. — Четвёртая говорила медленно, будто каждое слово надо было поднять с пола. — Кольца. Пять до удара. Я их считаю. Каждый раз.

Кира не нашлась, что ответить.

Третья колонна начала заряжаться. Первое кольцо. Второе.

— Восьмая! — Голос Веры в приёмнике был хриплым и почти весёлым. — Пошла! Крутится! Дай ей минуту!

Третье кольцо.

— Минуту я ей не дам, — сказала Кира.

Четвёртое кольцо.

— Перекидываю! — крикнула Вера. — Всё! Восемь из восьми! Кира, она на своём! Всё на своём!

Кира побежала к третьей колонне.

Пятое кольцо загорелось, когда она была в двух шагах. Колонна загудела, вся разом, готовясь сбросить заряд в раму. Четвёртая выгнулась — заранее, привычно, как выгибаются перед ударом, который знаешь наизусть.

Нитки. Правая опора.

Коготь пошёл снизу, коротко, по-бастионски, и на полпути раскрылся по шву — две половины, два жала, — и вошёл в муфту с двух сторон сразу.

Колонна погасла.

* * *

Стало тихо.

Не совсем: наверху гудели восемь машин, восемь собственных приводов, ровно и низко. Где-то далеко хлопнула дверь. Кто-то из ловцов застонал на решётке — живой. Под полом догорала фиолетовая линия, тускнея, тускнея — и погасла совсем.

Лампы под потолком горели.

Кира стояла у третьей колонны, с Когтем в руке, и слушала. Не ушами.

Дыхание под рёбрами было ровным. Вдох. Пауза. Выдох. Без зубов. Без дрожи. Без слова в паузе. Просто дыхание человека, который очень устал и только что понял, что можно перестать держаться.

— Кира, — сказал приёмник. — Столовая горит. Я вижу через дверь. Там люди даже не встали из-за столов.

— Хорошо, — сказала Кира. Голос сел. — Хорошо.

Она вложила Коготь в крепление на бедре, прошла через зал и поднялась на круглую площадку. Рама всё ещё держала Четвёртую — за плечи, запястья, пояс. Белые рёбра больше не сжимались. Просто держали. Канал с хвостом уходил в стену, как корень.

Четвёртая подняла голову.

Вблизи она выглядела старше, чем за стеклом. И моложе. Тени под глазами, сухие губы, неровная стрижка. А глаза — янтарные, с лиловым на дне — были ясными. Совсем ясными.

— Свет горит, — сказала она.

— Горит, — сказала Кира. — Но уже не твой.

Четвёртая смотрела на лампы под потолком. Долго. Потом на Киру.

За пультом, за тяжёлым краем, поднялся Несс. Медленно, держась за край. Очки съехали на нос. Левая ладонь дрожала так, что он прижимал её к груди правой. Ботинки стояли на решётке, и решётка была в копоти, и на носке правого ботинка лежало пятно сажи.

Он посмотрел на погасшие колонны. На экран, где восемь линий шли ровно, каждая своим ходом. На Киру.

Ничего не сказал.

Кира отвернулась от него. Это было не важно. Сейчас — не важно.

— Я обещала себе, — сказала она Четвёртой, — узнать, как тебя зовут. Сама. Не по номеру. У тебя на двери не написано, у меня на капсуле было написано за меня. Так что я спрашиваю.

Четвёртая молчала.

— Как тебя зовут?

Тишина. Восемь машин гудели наверху.

Потом сухие губы разомкнулись.

— Рин, — сказала Четвёртая.

И Кира почувствовала, как под рёбрами, там, где сидел кристалл, это имя легло на своё место — рядом с Тоу, рядом с Сэной, — и дыхание, которое она слушала с самого моста, перестало быть дыханием за стеной.

Оно стало чьим-то.

Глава 4. Где выход

До пульта было двадцать шагов. Кира прошла их медленно.

Не потому что устала, хотя устала. Потому что за пультом стоял Несс, а у Несса дрожала рука, а у людей с дрожащей рукой бывают самые неожиданные решения. Она шла и смотрела на его ладонь, прижатую к груди. Ладонь не шевелилась. Только дрожала.

Несс не отошёл. Не загородил. Он стоял у края пульта и смотрел, как она подходит, и на лице у него было то выражение, которое Кира видела у курсантов на первом разборе учений: человек уже знает, что ошибся, и ещё не знает, насколько.

Прозрачная крышка была тёплой. Под ней лежал красный выключатель — толстый, грубый, совсем не похожий на остальные гладкие кнопки пульта. Его ставили не учёные. Его ставил кто-то, кто знал, что однажды придётся бить ладонью, не глядя.

Табличка рядом гласила: «Аварийное освобождение модуля». Мелко, внизу: «Только по распоряжению руководителя».

Кира подняла крышку. Обернулась.

Рин висела в раме и смотрела на неё через весь зал. Не на выключатель. На неё.

— Сейчас? — спросила Кира.

Губы Рин шевельнулись. Сначала беззвучно — будто проверяли, можно ли. Потом:

— Сейчас.

Кира ударила ладонью.

* * *

Рама открылась не сразу. Сначала щёлкнули замки на запястьях — один, второй, сухо, как сломанные ветки. Потом белые рёбра на плечах разошлись в стороны, с шипением, медленно, словно им было жаль отпускать. Последним отстегнулся пояс.

Рин не упала.

Кира бежала через зал, уже видела, как она валится вперёд, лицом в решётку, — и успела к самому краю площадки. И остановилась. Потому что Рин стояла.

Шаталась. Держалась одной рукой за открытое ребро рамы, и рука эта ходила ходуном. Колени подгибались. Но она стояла и смотрела вниз, на свои ноги, будто впервые видела, что у неё есть ноги и что они могут решать сами.

Кира протянула руку.

— Не надо, — сказала Рин.

Кира убрала руку.

Рин отпустила ребро. Постояла. Потом медленно, очень медленно опустилась — не упала, а именно опустилась, сама, выбирая каждое движение: сначала на одно колено, потом на второе, потом села на пятки, на тёплую решётку, посреди погасшего зала. Положила ладони на колени. Посмотрела на них.

Подняла левую. Опустила. Подняла правую.

— Сама, — сказала она.

Это было не Кире. Это было себе.

Кира села рядом. Не вплотную — на расстоянии вытянутой руки, на край площадки, свесив ноги. Хвост лёг вдоль решётки и замер. Кира не стала ему мешать.

Канал всё ещё был на месте. Толстый, сегментированный, он выходил из-за спины Рин, тянулся по полу к стене и уходил в неё. Хвост Рин лежал внутри, как в футляре. Белый мех торчал только у разъёма, примятый, свалявшийся.

— Сними, — сказала Рин. Не глядя. — Я не знаю, как. Я не видела.

Кира наклонилась. Разъём был простой — два зажима и кольцо, всё на внешней броне, ничего не входило в тело. Это она проверила первым делом, и от этого стало чуть легче дышать. Кира нашла нитки. Первый зажим уступил сразу. Второй — с усилием, будто прикипел.

— Сейчас будет странно, — сказала она.

— Мне давно странно.

Кира повернула кольцо.

Канал раскрылся вдоль, по шву, как стручок. Хвост Рин выскользнул из него и лёг на решётку — длинный, белый, тусклый, с броневыми пластинами, которые давно никто не чистил. Он не двигался. Лежал, как чужой.

Потом кончик дёрнулся. Один раз.

Рин посмотрела на него. На Киру. На канал — пустой, раскрытый, уходящий в стену.

— Он останется здесь, — сказала она.

— Пусть остаётся, — сказала Кира.

Рин долго смотрела на пустой канал. Потом начала считать.

— Восемь машин. — Голос был ровным, тихим, будто она читала вслух опись. — Три колонны. Две двери. Одна рама. Один пульт. Одиннадцать ламп под потолком. Одна не горит. Четыре человека в зале. Один — ты.

Кира ждала.

— Я так делаю, — сказала Рин. — Когда много всего. Считаю. Тогда оно моё.

— Я тоже так делаю, — сказала Кира. — Только с людьми. После эвакуации. Меня так научили.

Рин кивнула. Не стала спрашивать кто.

Где-то наверху хлопнула дверь, и по лестнице застучали шаги — тяжёлые, быстрые, знакомые. Кира не обернулась. По шагам Веры можно было ставить часы.

— Полежать бы тебе, — сказала Кира. Просто чтобы что-то сказать. — Поесть. Там есть суп, я пробовала, он хороший. Тебе бы сначала…

— Не говори, что знаешь, как мне лучше.

Рин подняла глаза. Янтарные, с лиловым на дне. Ясные.

— Скажи, где выход.

Кира замолчала. Хвост за её спиной поднялся и опустился — она это почувствовала и не стала поправлять.

— Через ту дверь, — сказала она. Подняла руку, показала. — Коридор, потом столовая. Из столовой направо лестница, сорок ступеней, я считала. Потом двор с радиаторами. Потом рынок в барже. Потом перевёрнутая баржа — это мост. Потом русло. Потом дорога к городу. Там тоже есть свет, но его никто ниоткуда не берёт. Его чинят.

Рин слушала. Губы чуть шевелились — она повторяла.

— Сорок ступеней, — сказала она.

— Сорок.

— Хорошо.

* * *

— Её доля нестабильна.

Голос пришёл в паузе, ровный и чистый, как всегда. Первый раз после колонн. Кира не вздрогнула. Она ждала его.

— Долгое принудительное удержание повредило контур. Без рамы её состояние будет ухудшаться. Ты готова принять её долю. Так безопаснее — для неё и для тех, кто будет рядом.

Кира смотрела на Рин. Рин смотрела на свои ладони.

«Ты готова». Второй раз. Вчера было первый. Раньше было «я помогу тебе». Кира заметила это ещё вчера и отложила, как откладывают на потом занозу. Теперь заноза напомнила о себе.

— Ты готова, — сказала Кира вслух. — Это ты решила или я?

— Готовность определяется по совокупности параметров. Твоя совместимость…

— Я не про совместимость.

Голос помолчал. Потом:

— Время ограничено.

Рин подняла голову. Она не могла слышать голос — Кира была уверена. Но она смотрела на Киру так, будто слышала, или видела по лицу, или просто знала, как выглядит человек, которому в голову говорят что-то правильным тоном.

— Тебе что-то говорят, — сказала Рин. Не вопрос.

— Говорят, — сказала Кира. И решила, что врать здесь не будет. Не этой. Не после рамы. — Голос, который со мной с самого начала. Говорит, что ты нестабильна. Что тебя можно… забрать. В меня. Что так безопаснее.

Рин не шевельнулась.

— Я спрашиваю тебя, — сказала Кира. — Не его.

Восемь машин гудели наверху. Одна лампа под потолком не горела. Рин сидела на пятках и смотрела Кире в лицо долго, так долго, что Вера на лестнице успела спуститься, остановиться в дверях и ничего не сказать.

— Нет, — сказала Рин.

Голос был хриплым и очень спокойным.

— Я не согласна исчезнуть. Я всё это время просила выключить свет. Я не просила выключить меня.

— Слышала, — сказала Кира. И, не повышая голоса, не оборачиваясь в ту пустоту, откуда приходил ровный тон: — Ты тоже слышала.

Голос не ответил. Кира и не ждала.

Она помолчала. Потом подвинулась на полшага ближе — не к Рин, а так, чтобы сидеть прямо напротив.

— Есть другое, — сказала она. — Я не знаю, как это правильно называется. Я так сделала с одной сестрой, которая умерла, — она в сосуде, в городе, я с ней разговариваю. И с другой, которая жива и ушла своей дорогой. Я не беру. Я просто… слышу. Знаю, где ты. Если тебе плохо — я слышу, что плохо. Если ты захочешь, чтобы я перестала, — скажешь, и я перестану.

— Скажу, — повторила Рин. — И перестанешь.

— Да.

— А если не перестанешь?

— Тогда я буду как они, — сказала Кира. — И ты будешь права.

Рин посмотрела на пустой канал. На пульт, где под поднятой крышкой краснел выключатель. На Несса, который так и стоял у края, прижимая руку к груди.

— Восемь машин, — тихо сказала она. — Три колонны. Одна ты.

Потом протянула руку. Сама. Ладонью вверх.

— Да. Пока я так говорю.

Кира положила свою ладонь сверху. Ладонь у Рин была горячей, сухой, в мелких ожогах от зажимов.

Под рёбрами, там, где сидел кристалл, что-то повернулось — мягко, как ключ в хорошо смазанном замке. Рваное дыхание, которое Кира слушала от самого моста и которое вчера стало ровным, теперь легло рядом с остальными. С ритмом Тоу — тихим, далёким, из тёплого отсека под колесом башни. С ритмом Сэны — упрямым, удаляющимся. Третьим. Отдельным. Своим.

— Связь без поглощения нестабильна, — сказал голос.

— Ты повторяешься, — сказала Кира. — Запиши как раздражительность.

Рин моргнула. Потом уголок её рта дрогнул — не улыбка, ещё нет, но место, где когда-нибудь будет улыбка.

За спиной Киры, на решётке, лёг след. Она увидела его краем глаза, когда обернулась на Веру: рядом с лиловатым и серебристым — третий, тонкий, светлый, с оранжевой искрой внутри, будто кто-то провёл по полу лучиной.

Вера смотрела на него с порога. Потом на Киру.

— Я так понимаю, мы уходим не вдвоём, — сказала она.

— Втроём, — сказала Кира. И посмотрела на Несса. — Вчетвером.

* * *

Несс не спорил.

Это было самое странное. Кира приготовилась к спору — к процентам, к людям без света, к «вы не понимаете». А он молча выключил экраны один за другим, оставил только тот, где восемь линий шли ровно, каждая своим ходом, и открыл нижний ящик пульта. Достал стопку журналов в серых обложках. Положил на край.

— Все, — сказал он. — С первого дня. Технические, медицинские, служебные. Копии есть в архиве под доком, но там… — Он запнулся. — Там их можно потерять. Эти не потеряются.

Кира взяла верхний. Открыла наугад.

«День 34. Модуль повторяет вербальный шаблон. Повышенная раздражительность. Снижена освещённость камеры на 20%».

Она закрыла журнал.

— Вы идёте с нами, — сказала она. — Не под замком. Мне некуда вас запирать, и я не хочу быть человеком, который запирает. Вы идёте и показываете дорогу. Вы рассказываете, когда спросят. Всё, что знаете. Тому, кто спросит.

— Кому?

— Людям. Ей. — Кира кивнула на Рин. — Если она захочет спросить.

Несс посмотрел на Рин. Рин смотрела на него — без ненависти, без страха, внимательно, как смотрят на прибор, который долго показывал неправильное время.

— Я уменьшил боль на сорок процентов, — сказал Несс. Тихо. Не Кире — ей. — Это ведь имеет значение?

Рин не ответила.

— Имеет, — сказала Кира. — Сорок процентов — это много. Вы правда старались. Я верю. — Она сунула журнал под мышку. — Это не оправдание. Свет остался — и это тоже не оправдание. Я бы хотела, чтобы вы это запомнили. Вы же любите точные слова.

— Под надзором, — сказала Вера с порога. — Я за ним.

Несс посмотрел на Веру. На её винтовку, на ровную спокойную стойку.

— Под надзором, — согласился он.

Кира перебрала журналы, пока Вера проверяла коридор. Медицинские. Технические. Один — тоньше остальных, в тёмной обложке, с пометкой: «Блок управления, найден при модуле. Расшифровка».

Она открыла его.

Слева — столбцы чужих знаков, переписанные от руки, старательно, знак в знак. Справа — перевод. Сначала шли обычные вещи: «Подача. Цикл. Порог». Потом — строка, на которой Кира задержалась, потому что Память сама зацепилась за неё, как зацепляется за трещину в опоре.

Справа было написано: «Носитель удерживать при отказе».

Слева, в строке знаков, между вторым и третьим, был пробел. Маленький. Аккуратный. Шириной в один короткий знак. Как место, где что-то стояло — и что выскоблили так чисто, что переписчик не заметил и просто сдвинул остальное.

Кира пролистала дальше. «Носитель … покидать установку». Опять пробел. «Согласие носителя … требуется». Опять.

Она не знала этих знаков. Не могла сказать, что там было. Но она знала, как выглядит перевязанный хвост, который берегут. И как выглядит пустое ключевое гнездо. И как выглядит дверь, которая открывается только с одной стороны.

— Несс, — сказала она. — Команды на раму. Кто их подтверждал? Вы же не сами всё это… придумали.

— Блок, — сказал он. — Древний. Мы его нашли в той же камере, что и её. Без него рама не слушалась. Каждый цикл он подтверждал голосом. Записанным. Мы не трогали, боялись сломать.

Он протянул руку к пульту, нажал что-то.

Из динамика под стеклом прозвучало одно слово на чужом языке. Короткое. Ровное. Вежливое.

Кира не знала этого слова. Она знала голос.

Знала интонацию — ту, с которой говорят «обозначение используется». С которой говорят «время ограничено». Без злости, без нажима, с идеальной, чистой ровностью, в которой нет ни одной трещины.

Хвост её прижался к ногам. Уши легли.

— Что? — спросила Вера.

— Ничего. — Кира закрыла журнал. Сунула его в середину стопки, между двумя медицинскими. — Старые записи. Похоже на голос из одной… из капсулы. Там все так говорят.

В голове было тихо. Голос не спросил, что она нашла. Голос вообще ничего не спросил.

Кира подумала, что это тоже надо запомнить.

* * *

Последний силовой мост шёл от лаборатории к причалам — длинный решётчатый переход над сухим доком, с поручнями, обмотанными изолентой, и двумя высокими стойками на входе. Между стойками висел воздух. Он гудел и чуть светился фиолетовым, если смотреть искоса.

— Барьер, — сказал Несс. — Питается от остатка её линии. От того, что ещё в конденсаторах. Его ставили, чтобы она… чтобы модуль не ушёл, если рама откажет.

— А просто выключить?

— Рубильник на той стороне.

— Удобно, — сказала Кира.

Рин стояла у стены. Она прошла сорок ступеней сама, держась за поручень, и на сороковой остановилась и сказала «сорок», и Вера, шедшая сзади, кивнула. Теперь Рин смотрела на мост. На светящийся воздух. На свои руки.

Кира понимала, что Рин может. Видела это нитками: барьер держался на том же токе, что тёк через раму, и ток этот ещё узнавал Рин, тянулся к ней, как пёс к хозяину, которого давно не видел. Одно движение. Одна мысль. Барьер бы погас.

— Рин, — сказала Кира. — Ты можешь его снять?

Рин подняла глаза.

— Я не прошу, — сказала Кира. — Спрашиваю. Это разное.

Рин долго смотрела на барьер. Потом на свои руки.

— Нет, — сказала она. — Не хочу. Сегодня — не хочу.

— Хорошо, — сказала Кира.

Она повернулась к Нессу.

— Как открыть вручную?

Несс моргнул. Потом снова — будто не понял вопрос. Будто у вопроса не могло быть такого продолжения.

— Под настилом, — сказал он медленно. — Аварийный разряд. Колесо. Его надо крутить, пока конденсаторы не сольют заряд в землю. Это… это долго. Минут двадцать. И тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.